

Хоть повар ярости не мог сдержать,
Но не способен был он отвечать.
Не в силах выбраться, с перепою
Он замотал тяжелою башкою.
Потом, как куль, с седла свалился в грязь.
Его встряхнули, со смеху давясь:
«Эх, повар! Всадником быть захотел.
Сидел бы в кухне, в очаге вертел
И жарил дичь, а то полез туда же».
Весь вымазанный, был свиньи он гаже,
Когда с трудом назад его в седло
Старанье общее приволокло.
И поднялись тут аханья да охи,
Ехидный смех и сожаленья вздохи.
«Его, видать, упорно держит хмель! -
Сказал хозяин эконому. – Эль
Ему попался крепкий или слаб он,
Но только весь блевотиной закапан,
Перхает, кашляет, бормочет в нос,
А то еще проймет его понос.
Ему как будто стало много хуже,
Как бы ему не выкупаться в луже,
Тогда опять тащить придется нам
Его из грязи. Как гиппопотам,
Он грузен и тяжел. Пусть протрезвится.
С него рассказом нам не поживиться.
Ну, что ж. Рассказывай. Но чересчур уж
Ты строг к нему. Как сам набедокуришь
И счетец на провизию подашь
С надбавкой, что тогда? Обычай ваш
Я хорошо, мой друг, прекрасно знаю.
Так не пришлось тогда бы краснобаю
И повара подачкой подкупать,
Чтоб он обид не вздумал вспоминать».
«Ну мыслимо ль злопамятство такое? -
Тут эконом сказал. – Да, коль не скроет
Моих уловок повар, я впросак
Могу попасть. Хотя он и дурак,
Я бы готов деньжат ему добавить,
Когда бы этим мог себя избавить
От неприятностей. Ведь я бранил
Его по-дружески. Я с ним шутил.
Да разве я такого молодца
Мог выбрать? Купил я тут винца
Хорошего и крепкого баклажку.
Вы видите, бедняге очень тяжко,
Со мной он не откажет разделить
Баклажку ту и мир восстановить.
Вы все свидетели, что мировую
Мы выпьем с ним, чтоб не браниться все».
И впрямь к баклажке повар приложился,
Но он не в первый раз опохмелился